

перед домом не было никаких деревьев, а сразу начинался парк, именно на этой песчаной площадке и происходили летние празднования именин (Владимир – 2, Елена – 2). Вдруг сейчас, смотря на фотографию, вижу мою ошибку. Это сторона дома, очевидно, выходящая на фасадом на реку. Тогда число окон – правильное, но все же верхнего балкона с цветами не было. Перед этим фасадом были большие клумбы с цветами и деревьев не было. Могу наверное сказать, что балкона не было. Это были наши комнаты с сестрой и выходили окна прямо на косую крышу крытой веранды и моя сестра там брала солнечные ванны. Очевидно, дед балкон снял». (Из письма от 26 апреля 1982 г.). «Между прочим, “дубок у ворот” – вымышленный. У вырского дома вообще не было ворот, а въезд был прямо к крыльцу под галереей, соединяющей дом с флигелем. А до крыльца была дорога между двумя парками. Недалеко от въезда в дом слева были ели. Против крыльца под галереей стояла скамейка, на которой в 11 лет я с упоением прочитала “Дворянское гнездо”». (Из письма Е.В. Сикорской от 17 октября 1986 г.). Описания Е. В. Сикорской этого дома, в котором семья Набоковых проводила летние месяцы и хорошо знакомого читателю по рассказам и романам В. В. Набокова, сложно недооценить. Дом, оставивший такой след в русской литературе, погиб от пожара в 1944 г., и эти воспоминания единственные, на сегодняшний день, документальные описания Вырской усадьбы 1910-х гг.

¹ Усадьба Выра располагалась в селе Рождествено на противоположном берегу от Рождественской усадьбы В. И. Рукавишникова.

² Набоков С. С. Профили //Набоковский вестник. Выпуск 2. Набоков в родственном окружении. СПб., 1998. С. 162.

³ Батовский дом был продан в 1913 г. акционерному обществу «Строитель».

⁴ Усадьба В. И. Рукавишникова Рождествено.

⁵ В. В. Набоков.

⁶ Набоков В. В. Другие берега.

Н. А. Родионова

ЭМИГРАНТСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ВЫПУСКНИКОВ ШУМЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ СКВОЗЬ ЗАМОЧНУЮ СКВАЖИНУ ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКИ: АРХИВНЫЕ НАХОДКИ

Одной из ведущих тенденций современной историографии стала трансформация истории как науки о политических и экономических системах в науку о человеке в его историческом времени. Выявление антропологической и эмоциональной составляющих жизненных опытов и переживаний людей в контексте повседневного измерения истории позволяет адекватно реконструировать макроконтекст большой истории¹.

В эмигрантоведении также стали обращаться к проблеме роли человеческой субъективности в историческом процессе, который можно трактовать как совокупность массы «незначительных» событий на уровне индивидов². Важнейшим источником по истории повседневности являются письма, источники личного происхождения. Письма несут на себе отпечаток личности автора, субъективность – это объективно присущее им свойство³. В соответствии с принципами герменевтики центральным становится вопрос о доступности эпистолярных текстов для понимания и установления значения отражённого в них субъективного опыта. При этом исследователя истории повседневности интересует не столько событие, сколько специфика его преломления в сознании автора письма и возможность множественного толкования одних и тех же жизненных явлений.

В поле зрения исследователя повседневности попадают частные судьбы участников эпистолярного процесса, рядовых людей, чья переписка в наибольшей степени позволяет судить об их жизненном укладе, представлениях, ценностных ориентациях и мотивациях, психологии и мироощущении, поведении и образе жизни, круге общения и интересах⁴.

Изучение повседневности сквозь призму частной переписки позволяет исследовать вопрос о способах жизни и выживания в экстремальных условиях, например, в условиях эмиграции в инокультурном окружении⁵.

Обильная и содержательная переписка оставалась традицией русской интеллигенции и в XX в. В эмиграции в условиях разобщен-

ности возросла ее роль как факторов общения, объединения культурного и образовательного пространства. Частная переписка рядовых эмигрантов, оказавшихся на обочине жизни или в силу молодости только проходящих социализацию, почти не содержит упоминаний о фактах общественно-исторической значимости, принадлежащих событийной истории. Чаще это описания повседневных реалий и личных переживаний. Вдали от России особенно остро ощущалась потребность обсудить с соотечественниками новости, трудности эмигрантского быта, поделиться мнениями, надеждами и опасениями.

Основываясь на адаптивном подходе к изучению повседневности и опираясь на эпистолярные источники, можно проследить, как изменяются модели поведения эмигрантов в процессе жизнеобеспечения, и насколько успешно проходит процесс адаптации к новым условиям существования, какие факторы мешают, а какие способствуют⁶.

Письма, отложившиеся в архиве ГАРФ в фонде директора гимназии А. А. Бейера⁷, помогают реконструировать особенности социализации выпускников Шуменской гимназии – русской гимназии в городе Шумен в Болгарии.

При столкновении с реалиями взрослой жизни пребывание в гимназии, которую воспитанники считали родной семьёй, в письмах выпускников вспоминается как счастливое, несмотря на необходимость подчиняться в ней строгим правилам. В соответствии с русской традиционной культурой система воспитания в гимназии была репрессивной. Иной она и не могла быть, если учитывать контингент учащихся. «Мы были настоящие бандиты, – вспоминает В. Сосинский⁸, – и только благодаря опытности, такту и энергии Анатолия Аполлоновича Бейера, очень строгого, но и очень справедливого “немчуры”-директора, в Шуменской гимназии поддерживались дисциплина и шли нормальные занятия и общественная жизнь»⁹.

В ностальгических письмах выпускников не упоминаются трудности быта, которые приходилось переживать и преодолевать: скудость интернатских помещений, недостаток белья, обуви, одежды, питания, – однако согревало ощущение семьи, общности судьбы, защищённости: «Вот ещё только 8 дней, как мы уехали из Шумена, но уже такая скука и тоска, тоска по утраченному Шумену. Я никогда не думал, что так тяжело будет расставаться с ним, а теперь чувствую, что уехав, потерял что-то дорогое. Каждую минуту вспоминаем Шумен и говорим только о нём»¹⁰. «...Последние дни перед отъездом

я оценил вполне, что для меня гимназия. Теперь, находясь вдали от неё, я тем более тоскую по ней, тоскую, что утратил то, что заменило для меня семью»¹¹.

Взрослость, изначально отягощенная грузом войны, вины, памяти, сильного обрекала на одиночество, слабого заставляла объединяться, заискивать, искать поддержку. Получение стипендии открывало путь к высшему образованию, а, следовательно, избавляло от тяжёлого физического труда, обеспечивало восходящую социальную мобильность. Врач гимназии доктор П. К. Дылёв¹², уехавший в Париж и тесно общавшийся там с выпускниками гимназии, подозревал, что многие письма выпускников гимназии к её директору не искренни, продиктованы желанием заручиться его поддержкой с целью получения стипендии: «Не всё, что писалось в Шумен, писалось от полноты сердца. Кое-что диктовалось и расчётом, так как всё остальное, писавшееся одновременно, совершенно не гармонирует с тоном писем к лицам, от которых кое-что может зависеть»¹³. Из письма Вл. Раевского¹⁴, получившего стипендию Уиттмора¹⁵, директору гимназии А. А. Бейеру: «Боже мой, как я Вам горячо благодарен за письмо! Это была для меня весточка из родных краёв и действительно родных, ибо там, далеко на юге, затерявшемся среди Балканских отрогов Шумене, прихотливой капризницей-фортуной заброшен кусок настоящей России»¹⁶. «Было много воспоминаний о моей, нашей родной Гимназии. Порой, в полной сумеречности моего будущего и также в серости моего настоящего, очень жалею, что покинул тёплую гимназию и т.д. И теперь примите от меня сердечную благодарность за Ваше ко мне сердечное отношение. Мне думается, что тихая и уютная жизнь в Шумене останется навсегда в моей памяти. Хотелось бы ещё раз посетить милую гимназию. Хотелось бы видеть ещё раз всех, с кем было прожито много и долго. Но, наверное, мне не суждено, очевидно, что в книге моего бытия не начертано быть среди вас и оставить что-нибудь на память»¹⁷. Высокий стиль и некоторая выпренность тона приведённых писем заставляет задуматься об их искренности. Г. Газданов, выпускник гимназии 1923 г., выступая со сцены на выпускном акте, говорил искренне, и его речь, по его мнению, именно поэтому получилась не такой гладкой и эффектной, «как этого следовало ожидать от речи неискренней»¹⁸.

Отложившееся в ГАРФ письмо Г. Газданова директору Шуменской гимназии А. А. Бейеру проливает свет на мало изученный период его жизни после окончания гимназии, позволяет уточнить некоторые факты биографии будущего известного писателя. Поводом к письму послужила обеспокоенность Г. Газданова утратой взаимопонимания в отношениях между учениками и педагогами, и «того климата доверия и теплоты», который был свойствен гимназии в начале её существования. Письмо Газданова прозвучало диссонансом среди массы писем выпускников, хлебнувших через край самостоятельной жизни и вспоминаявших пребывание в Шумене как безмятежную счастливую жизнь. Письмо было воспринято как вызов и оскорбление, тем более что автор послания призывал самого директора к разъяснению сложившейся в гимназии ситуации: «Мне очень хотелось бы надеяться на то, что я ошибаюсь. Я был бы рад узнать, что я принял за чорта маскарадную маску. И если Вы мне прямо и просто, как Вы всегда это делаете, напишете, что мои взгляды лишены основания, – я буду искренно рад. Всегда Ваш Г. Газданов»¹⁹. Подобный критический настрой и независимость суждений отнюдь не способствовали завоеванию расположения руководства гимназии, от которого не в последнюю очередь зависело получение стипендии. Г. Газданов в письмах Дылёва характеризуется негативно: «Я хорошо знаю пустоту Газданова»²⁰ и далее: «Прочёл мне Долгополов весьма пустословное письмо Газданова о стипендии, но его кандидатура не имела, конечно, оснований быть выдвинутой»²¹. В 1924 г. Газданов обратился в Земгор с просьбой предоставить ему стипендию, но ему отказали.

Письма П. К. Дылёва к А. А. Бейеру уточняют и дополняют образ Г. Газданова как человека независимо мыслящего, сильного, предпочитавшего полезному компромиссу конфликт во имя сохранения достоинства. Письма Дылёва рисуют пространство повседневности Г. Газданова в самый тяжёлый его период в Париже: «Тяжёлое было связано с Газдановым, который, кажется, гораздо больше ко мне привязан, чем я к нему. Он был снова без работы, оборвался, опустился, грустно на него смотреть. Но за работу не брался. Я его слегка поддерживал, приспособив к своему заработку с рекламами. ...Последнее время он присутствовал при мне почти неотступно, и это нелегко. Ну а затем в связи с некоторыми обстоятельствами я и совсем от него отрёкся. Сейчас встречи могут быть только случайными. И я это предложил ему, быть может, в самый тяжёлый для

него момент жизни, когда большинство от него отвернулось. И я пошёл за большинством по мотивам чисто эгоистическим. По человечеству – я вряд ли прав. Разошлись мы вполне хорошо, а в душе кошки скребут. Я знаю, что в совершенно аналогичном положении, если бы место Газданова занимал человек, мною любимый, я пошёл бы в разрез с общим осуждением, со своими личными интересами, а друга бы не бросил. Но ведь Г. не друг мне, хоть, кажется, и немного любит меня»²². Из содержания писем непонятна причина прохладного отношения их автора к Г. Газданову. Однако, не питая особых симпатий к своему подопечному, он всё же оказывал ему помощь, хотя и тяготился этим: «Газданов, Слава Богу, уезжает в Страсбург, на какие-то работы. Как-то легче вздохну и я. Я так-таки не совсем бросил его, хоть и тяжело было»²³. В 1925 г., когда Дылёв в связи с заключением контракта и отъездом в Конго перестал оказывать ему помощь, Газданов стал клошаром, ночевал на тротуарах и под мостом. Письма выпускников свидетельствуют об отчаянном положении тех, кто после окончания гимназии оказался без какой-либо социальной поддержки. Многие, надеясь на получение стипендии в рамках «Русской акции» президента Масарика, отправились в Чехию, однако Болгария «оказалась наиболее терпеливой в деле помощи русской учащейся молодёжи». Стипендию в Чехии получить было очень трудно, да и она далеко не обеспечивала средств на жизнь: «Денег нет, и в прекрасной Чехии голодают так, как никто не голодал здесь в Болгарии. Не имея еды (по 3 и более дней) и живя в нетопленной комнате, они (речь идёт о выпускниках Шуменской гимназии. – Н. Р.) лежат целыми днями в постели, чтобы не замёрзнуть»²⁴.

Многие выпускники вынуждены были работать в шахтах. Мечтая скопить денег для получения высшего образования, они отказывали себе в самом необходимом: «Больше зажаться нельзя. За один только месяц у нас у всех физиономии вытянулись и побледнели, а ведь ещё 5 месяцев контракта <...> Ещё убивает нас, что не видишь света Божьего. Вечно с карбидной лампочкой, а самое главное – пыль. Вылезашь из мины совершенно жёлтый, слона как какао, грудь заложена так, что тяжело дышать. Вот вкратце наша жизнь. Мечтаем учиться. Ждём с нетерпением окончания контракта. Завели себе календари и с радостью вычёркиваем каждый прошедший день. Очень обидно, что так проходит молодость»²⁵.

Отложившееся в ГАРФ письмо Г. Газданова директору Шуменской гимназии А. А. Бейеру проливает свет на мало изученный период его жизни после окончания гимназии, позволяет уточнить некоторые факты биографии будущего известного писателя. Поводом к письму послужила обеспокоенность Г. Газданова утратой взаимопонимания в отношениях между учениками и педагогами, и «того климата доверия и теплоты», который был свойствен гимназии в начале её существования. Письмо Газданова прозвучало диссонансом среди массы писем выпускников, хлебнувших через край самостоятельную жизнь и вспомилавших пребывание в Шумене как безмятежную счастливую жизнь. Письмо было воспринято как вызов и оскорбление, тем более что автор послания призывал самого директора к разъяснению сложившейся в гимназии ситуации: «Мне очень хотелось бы надеяться на то, что я ошибаюсь. Я был бы рад узнать, что я принял за чорта маскарадную маску. И если Вы мне прямо и просто, как Вы всегда это делаете, напишете, что мои взгляды лишены основания, – я буду искренно рад. Всегда Ваш Г. Газданов»¹⁹. Подобный критический настрой и независимость суждений отнюдь не способствовали завоеванию расположения руководства гимназии, от которого не в последнюю очередь зависело получение стипендии. Г. Газданов в письмах Дылёва характеризуется негативно: «Я хорошо знаю пустоту Газданова»²⁰ и далее: «Прочёл мне Долгополов весьма пустословное письмо Газданова о стипендии, но его кандидатура не имела, конечно, оснований быть выдвинутой»²¹. В 1924 г. Газданов обратился в Земгор с просьбой предоставить ему стипендию, но ему отказали.

Письма П. К. Дылёва к А. А. Бейеру уточняют и дополняют образ Г. Газданова как человека независимо мыслящего, сильного, предпочитавшего полезному компромиссу конфликт во имя сохранения достоинства. Письма Дылёва рисуют пространство повседневности Г. Газданова в самый тяжёлый его период в Париже: «Тяжёлое было связано с Газдановым, который, кажется, гораздо больше ко мне привязан, чем я к нему. Он был снова без работы, оборвался, опустился, грустно на него смотреть. Но за работу не брался. Я его слегка поддерживал, приспособив к своему заработку с рекламами. ...Последнее время он присутствовал при мне почти неотступно, и это нелегко. Ну а затем в связи с некоторыми обстоятельствами я и совсем от него отрёкся. Сейчас встречи могут быть только случайными. И я это предложил ему, быть может, в самый тяжёлый для

него момент жизни, когда большинство от него отшатнулось, пошёл за большинством по мотивам чисто эгоистичности и вечеству – я вряд ли прав. Разошлись мы вполне естественно, кошки скребут. Я знаю, что в совершенно аналогичной ситуации, если бы место Газданова занимал человек, мною любимый, я бы в разрез с общим осуждением, со своими личными интересами, уезжает в Париж, а друга бы не бросил. Но ведь Г. не друг мне, а человек, которого я немного любит меня»²². Из содержания писем не следует, что прохладного отношения их автора к Г. Газданову. Газданов не перестал испытывать особых симпатий к своему подопечному, он всё время искал на тротуарах помощь, хотя и тяготился этим: «Газданов, Слава Богу, об отчаянном Страсбург, на какие-то работы. Как-то легче вздохнуть, когда так не совсем бросил его, хоть и тяжело было»²³. Газданов Дылёв в связи с заключением контракта и отъездом из Шумена оказывать ему помощь, Газданов стал клошаром, но не перестал рах и под мостом. Письма выпускников свидетельствуют о том, что в каком-то положении тех, кто после окончания гимназии не получил какой-либо социальной поддержки. Многие, надеясь на получение стипендии в рамках «Русской акции» президента Митрополита, уехали в Чехию, однако Болгария «оказалась наиболее благоприятным местом для выпускников в деле помощи русской учащейся молодежи»²⁴. Газданову получить было очень трудно, да и она далеко не обещала быть легкой на жизнь: «Денег нет, и в прекрасной Чехии трудно прожить, никто не голодал здесь в Болгарии. Не имея денег, я отказывался от дней) и живя в нетопленной комнате, они (речь идёт о студентах Шуменской гимназии. – Н. Р.) лежат целыми днями на улице, чтобы не замёрзнуть»²⁴.

Многие выпускники вынуждены были работать, чтобы заработать себе на жизнь, как какао, себе в самом необходимом: «Больше зажаться нельзя, а наша жизнь – это борьба за выживание. Завели контракт. Завели ещё 5 месяцев контракта <...> Ещё убивает нас недостаток света Божьего. Вечно с карбидной лампочкой, а пыль. Вылезает из мины совершенно жёлтый, а грудь заложена так, что тяжело дышать. Вот как это тяжело. Мечтаем учиться. Ждём с нетерпением окончания года. Очень обидно, что так проходит молодость»²⁵.

Процесс социализации легче протекал у получивших стипендии, особенно стипендию Уиттмора, значительно превышавшую стипендию Земгора: «Разница в жизни стипендиатов Уиттмора и В. С. Г. (Всероссийского союза городов – *Н. Р.*) очень значительна. Все стипендиаты Уиттмора сравнительно обеспечены и живут на частных квартирах, а стипендиаты В. С. Г. живут на окраине города, в бараках»²⁶.

Однако даже уиттморская стипендия из-за перебоев в начислении не обеспечивала безбедного существования, иногда приходилось голодать: «Деньги из Америки за сентябрь месяц были получены только в начале октября, так что целый месяц пришлось как-то проскрипеть. У меня были дни, когда я даже не обедал, не то что ужинал, – пишет Вл. Раевский. – Ужинать-то за всё это время, кажется, ни разу не ужинал. Было несколько суток, когда кроме чистой воды у меня во рту ничего не было. Конечно, всё это время я скакал, как сумасшедший, в поисках какого-нибудь заработка и таковой, конечно, нашёлся, правда, уже к концу критического положения. Это – уроки английского языка, к которым ещё прибавились и уроки немецкого языка»²⁷.

Парижскую часть шуменцев П. К. Дылёв характеризует как «наиболее обездоленную среди всех абитуриентов»; вынужденных заниматься «механическим и неосмысленным физическим трудом изо дня в день», «и для всех почти без исключения никаких перспектив в будущем». «Сердце невольно сжимается при взгляде на них, – пишет он. – По-видимому, и у них, несмотря на внешнюю бодрость, самочувствие несколько пониженное, отчасти прикрываемое некоторой нарочитой бравадой»²⁸. Жили шуменцы, по наблюдениям доктора Дылёва, «скромно и почему-то все без денег, но зато прилично одеты. Опускания или отупления нет»²⁹. «Жить им трудно: из 600 фр. (стипендия Уиттмора) 120 они платят за велосипеды, 250 за комнату. Поэтому их обычная еда – чай с хлебом, иногда с маслом». Но в безденежье они находили свои преимущества: «Мы не пьём и никуда не ходим». П. К. Дылёв получал удовольствие от общения с ними: «Очень хорошо я себя с ними чувствую <...> У них много беспорядка, но нет франтовства, много книг. Они в курсе современной русской литературы»³⁰.

Поведение студентов, получивших стипендии, находилось под пристальным вниманием представителя Земгора В. Риделя³¹, который информировал директора гимназии А. А. Бейера о поведении

стипендиатов – воспитанников гимназии. Представитель Земгора выражает сомнение в целесообразности давать стипендии «для изучения таких предметов, после которых молодые люди столь же останутся беспомощными и неприспособленными к трудной жизни, что и до поступления в высшее учебное заведение». Из-за недостатка средств Земгор мог выделять стипендии только для изучения практических наук. Безрассудством было, по его мнению, предоставление стипендии для изучения философии в Берлине шуменцу Резникову или Гапошкину, мечтающему о звёздах, для изучения астрономии. Он настаивал на том, что стипендиатами Земгора должны становиться те, кто мечтает получить профессии врача, учителя, инженера³².

Получение стипендии было обусловлено политической лояльностью претендентов, непримиримостью к большевизму, неучастием в просоветских изданиях. К принятию решения о переводе выпускника Шуменской гимназии Вл. Сосинского и его друга Вадима Андреева³³ из Берлина в Париж подтолкнуло известие об их сотрудничестве в сменовеховской газете «Накануне»³⁴, означавшем вступление их на путь примирения с торжествующей в России властью. Из письма Риделя следует, что Д. Резников, разделяя планы его друзей В. Сосинского и В. Андреева (Уиттморские стипендиаты – *Н. Р.*) вернуться в Россию, не участвовал в «Накануне» из-за боязни потерять стипендию Земгора. Однако это его не спасло: упоминание о том, что «Резников стипендию потеряет», содержится в письме П. К. Дылёва³⁵. Переписка В. Риделя с А. Бейером проясняет причину перевода стипендиатов – шуменцев В. Сосинского и Д. Резникова из Берлина, где издавалась сменовеховская газета «Накануне», в Париж и позволяет уточнить их биографии. Становится понятно, почему никто из них Сорбонну так и не закончил.

Письма подтверждают устоявшиеся в эмигрантоведении взгляды на товарищество и взаимопомощь эмигрантской молодёжи. Попытки создать шуменское землячество не удались, однако шуменское братство состоялось, о чём свидетельствует даже индивидуалист-одиночка Г. Газданов: «Я на опыте проверил прочность Шуменских связей здесь, в Париже. И если бы не мои Шуменские друзья, я бы, вероятно, не доехал бы до Парижа и был бы лишён удовольствия писать Вам сейчас письмо»³⁶.

Выпускник Шуменской гимназии Николай Коринский-Коркин сообщает воспитательнице этой гимназии Нине Дмитриевне Ридигер о решении 13 стипендиатов-шуменцев 4-го выпуска отчислять

ежемесячно по 50 левов для обеспечения товарищеской стипендии И. Туроверову³⁷.

П. К. Дылёв, покинувший в 1923 г. гимназию в поисках лучшей доли и наблюдавший в Париже жизнь её выпускников, подробно описывает в письмах к директору гимназии А. А. Бейеру трудности их социализации. Его доброжелательный и сочувствующий взгляд позволяет более выпукло представить их облик, а авторские эмоциональные оценки событий и лиц характеризуют его общественно-политические взгляды. Приверженец социал-демократических идей, бессребреник Дылёв в Париже хватался за любую работу: имел небольшую нелегальную врачебную практику, работал на складе Земгора, вечером стоял за стойкой бара в ресторане, где подкармливал шуменцев, бедствовавших в Париже, ночью подписывал конверты, спал по 4 часа в сутки и мечтал найти работу в Африке, чтобы «забрать этих хороших и интересных, но надломленных ребят на стипендию»³⁸.

Надломленность усугублялась пониманием своей чужеродности и ненужности в инокультурной среде³⁹. Газданов точно определил мироощущение русских эмигрантов: «Мы живём, окружённые иностранцами». Русские эмигранты, выпав из своей национальной ячейки, не прикрепилась к другим, они маргинальны: «Не знаю, что нужно пережить или, может быть, раньше ещё создать себе особую психику, чтобы иметь возможность жить полной жизнью, живя в чужой стране. Меня чувство отчуждённости, полного одиночества никогда не покидает»⁴⁰. Это – люди, лишившиеся своего пространства, «люди цивилизационного пограничья»⁴¹.

Сохранение русского языка («Мы все тебя храним, Наш русский сон, Средь наших одиночеств», – писал Вадим Андреев) обеспечивало «самоидентификационную охранительность»⁴².

Инокультурное окружение и ностальгия порождали в эмигрантском эпистолярном кросс-культурные сравнения и рассуждения на тему о будущем родины, о своей особости и о миссии русских в мире. Сравнение было не в пользу Запада. Свои ценностные ориентации оставались приоритетными, что свидетельствовало о нежелании ассимилироваться: «Современный человек Запада имеет вместо души чековую книжку, духовные запросы его ограничены текущими счетами в Банке, красоту он ищет только на банкнотах, жизненные и моральные идеалы его только “business” и “gold”».

Русская культура, «своеобразная, самобытная, величественно-простая, самоотверженная и пленительная», «которую не стёрли века лишений и испытаний», «очистившись в огне страданий», поведёт вперёд человечество «после долгих лет его мучений, терзаний, богоискательства и тщетных исканий» и сможет доказать «наше несомненное превосходство над другими нациями»⁴³.

Пребывание в инокультурной среде обостряло патриотические чувства, принадлежность родной культуре дарила ощущение счастья: «Слова Кутузова звучат для нас выстраданной и бесконечно дорогой истиной: «Я – Русский, и счастливее быть не желаю!»⁴⁴

Принадлежность к цивилизационному восточно-европейскому ареалу, к иной конфессии, иному лингвокультурному пространству возводило стену непонимания между русскими эмигрантами и местным населением.

Местному населению трудно было привыкнуть к некоторым особенностям бытового поведения русских, в частности, раздражало традиционное гостеприимство беженцев, что становилось поводом к отказу от сдачи квартир в аренду русским. Принимающая сторона пыталась объяснить «русским варварам», «что гораздо выгоднее и практичнее принимать гостей в соседней пивной, ибо каждый платит сам за своё пиво»⁴⁵.

Известно, что самый быстрый путь адаптации к инокультурной среде – это смешанные браки, которые позволяли эмигранту значительно более быстро и безболезненно войти в новую культурную среду, однако русские этого избегали: В. Раевский на вопрос А. Бейера, не собирается ли он жениться, отвечает, что немкой увлечься он не мог бы и что если бы его «сердце было бы кем-то занято, так, конечно, только “прелестной соотечественницей”»⁴⁶. Письма выпускников Шуменской гимназии первой половины 1920-х гг. подтверждают устоявшуюся в эмигрантоведении точку зрения о крайне медленном процессе адаптации, связанным с сохранением русской национальной идентичности и нежеланием её утрачивать.

На основании всего вышеизложенного мы пришли к заключению, что письма можно считать первоклассным источником в нескольких аспектах: как документ, рисующий быт и бытие воспитанников Шуменской гимназии, особенности их межличностного общения, отражающий проблемы их адаптации в инокультурной среде, их ценностные ориентации, мотивации и установки. Это также источник,

позволяющий уточнить биографии участников эпистолярного процесса как адресата писем директора гимназии А. А. Бейера, так и собственную биографию их авторов, например, биографию Г. Газданова, о первых годах пребывания которого в Париже известно очень мало, доктора П. К. Дылёва, замечательного человека, русского Альберта Швейцера, в течение долгих лет помогавшего выпускникам Шуменской гимназии оплатить высшее образование, а также «незамечательных» людей, учившихся в ней.

¹ Пушкарёва Н. Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» / Этнографическое обозрение. М., 2004. № 5. С. 3–19.

² Антошин А. В. Российские эмигранты Первой послереволюционной волны после Второй мировой войны: эволюция повседневности / Нансеновские чтения 2009. СПб., 2010. С. 247–256; Волошина В. Ю. Учёный в эмиграции. Проблемы социальной адаптации учёных-эмигрантов сквозь призму «персональной истории». Омск, 2010; Родионова Н. А. Жизнь лагеря для перемещённых лиц Менхегоф и судьба его обитателей (на основе воспоминаний В. К. Болдырева, И. В. Халафовой, А. И. Жедилягиной) / Нансеновские чтения 2009. СПб., 2010. С. 254–266; Янгиров Р. «Рабы Немого»: Очерки исторического быта русских кинематографистов за рубежом. 1920–1930-е годы. М., 2008.

³ Кабанов В. В. Между правдой и ложью (Отечественные мемуары XX в.). М., 2004. С. 3

⁴ Белова А. В. Женщина дворянского сословия в России конца XVIII – первой половины XX века: социокультурный тип (по материалам Тверской губернии). Автореферат дис. ... канд. культурологии. М., 1999. С. 7.

⁵ Орлов И. Б. Советская повседневность. Исторический и социологический аспекты становления. М., 2010. С. 33.

⁶ Сидорова Г. П. Культура повседневности: питание и частные стратегии жизнеобеспечения в советской России / Россия и мир: История, политика, культура. Сб. науч. трудов. Ульяновск, 2007. С. 230.

⁷ Бейер Анатолий Аполлонович (10 ноября 1875 – 6 апреля 1938) выпускник Михайловского Артиллерийского училища, генерал-лейтенант артиллерии, участник Гражданской войны, директор гимназии в Шумене (1923–1927), затем уехал в Парагвай, где жил его приятель, друг Президента этой страны. В Буэнос-Айресе служил в газовой компании. Вёл большую культурную работу среди русских эмигрантов, основал кружок «Наука и техника», с чтением докладов, затем переименованный в кружок «Наука и искусство». Участвовал в войне с Боливией, в результате которой Парагвай присоединил огромную боливийскую территорию Гран-Чако. Бывший директор получил звание героя Парагвая, ему установлен там памятник. См. Щербатов А., Криворучкина-Щербатова А. Право на прошлое. М., 2005. С. 113.

⁸ Сосинский Владимир Брониславович (Владимир Бронислав Рейнгольд Брониславович Сосинский-Семихат) (1900, Луганск – 1987, Москва), в 1918 г.

призван в Белую Армию, воевал, был ранен в грудь на вылет, награжден орденом Николая Чудотворца лично генералом бароном П. Н. Врангелем. С 1920 г. в эмиграции, окончил гимназию в Шумене (1923). Стипендиат проф. Д. Уиттмора. Учился в университете в Берлине. С 1924 г. в Париже, активно печатался в русских журналах. Участник французского Сопротивления. В 1960 г. вернулся в СССР.

⁹ Из неопубликованных воспоминаний В. Б. Сосинского-Семихата, любезно предоставленных автору Ф. Хадоновой.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 5976. Оп. 1. Д. 24. Л. 193. Дневник первого интерната 1927–1928 гг. А. П. Дехтерева.

¹¹ Там же. Л. 114.

¹² Дылёв Пётр Константинович (1888–1978, Женваль ок. Ватерлоо), в 1922–1923 гг. – врач Шуменской гимназии, в 1923–1925 гг. жил в Париже, в 1925–1960 гг. – в Конго. На заработанные в Африке деньги выплачивал стипендии выпускникам Шуменской гимназии. Во время войны участвовал в английском экспедиционном корпусе, сражавшемся в Африке против армии гитлеровского генерала Роммеля. Некоторые африканские экспонаты кунсткамеры были присланы музею как самим Петром Константиновичем, так и его сотрудниками и друзьями.

¹³ ГАРФ. Ф. 6089. Оп. 1. Д. 16. Л. 81.

¹⁴ Раевский Влад Ник., позднее археолог, староста Успенской церкви Ст. Женевьев де Буа.

¹⁵ Американский проф. Д. Уиттмор, уверовавший в великое будущее русской культуры, духовная мощь которой базировалась на признании приоритета нематериальных ценностей, учредил стипендии для русских студентов. В духовности русской культуры он видел её уникальность, которая могла погибнуть в результате тяжёлых испытаний, выпавших на долю России, когда русский человек был поставлен в условия физического выживания. Вынужденный прагматизм и утилитаризм русских в советской России, по его мнению, подорвал уникальность русской культуры, возродить которую должна эмигрантская молодёжь. С этой целью он ежегодно предоставлял стипендии лучшим выпускникам гимназий, при условии, что они, получив образование, вернуться в Россию.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 6089. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.

¹⁷ Там же. Д. 14. Л. 35–36.

¹⁸ Там же. Л. 43. Письмо Гайто Газданова А. А. Бейеру от 18 ноября 1923 г. Париж.

¹⁹ Там же. Л. 44.

²⁰ ГАРФ. Ф. 6089. Оп. 1. Д. 16. Л. 81.

²¹ Там же. Л. 94.

²² Там же. Л. 129.

²³ Там же. Л. 57–58 об. Письмо Дылёва адресовано Марии Александровне, жене Бейера и Н.Д. Ридигер от 21 февраля 1925 г. Париж.

²⁴ ГАРФ. Ф. 5976. Оп. 1. Д. 24. Дневник первого интерната 1927–1928 гг. Дехтерева. Л. 76.

²⁵ Там же. Л. 111.

²⁶ Письмо Вадима Андреева В. Сосинскому и Д. Резникову от 2 июля 1923 г. Берлин / Письма Вадима Андреева Владимиру Сосинскому и Даниилу Резникову (1922–1923) // Звезда. 2003. № 1. С. 135.

²⁷ ГАРФ. Ф. 6089. Оп. 1. Д. 9. Л. 3–4. Письмо В. Раевского А. А. Бейеру от 16, 18 июля 1922 г.

²⁸ Там же. Д. 10. Л. 1. Письма В. Риделя от 13 ноября 1923 г. (старая орфография).

²⁹ Там же. Д. 16. Л. 96 об.

³⁰ Там же. Л. 58 об.

³¹ Ридель В., представитель Земгора в Париже, контролировал стипендиатов Земгора и в случае необходимости оказывал им помощь.

³² ГАРФ. Ф. 6089. Оп. 1. Д. 10. Письма В. Риделя. Л. 5. 12 апреля 1924 г. (старая орфография).

³³ Андреев Вадим Леонидович. (1903, Москва – 1976, Женева), поэт, прозаик, мемуарист. Сын писателя Л. Н. Андреева. Участник Гражданской войны. В эмиграции с 1920 г. Учился в Константинопольском Русском лицее, после эвакуации которого оказался в Софии, участвовал в литературных объединениях «Дом искусств» и «Четыре плюс один». Публиковался в берлинских газетах «Дни» и «Накануне». В 1924 г. переехал в Париж, учился в Сорбонне, работал чернорабочим на фабрике резиновых изделий. Участник французского Сопротивления.

³⁴ В поэтическую группу «4+1» помимо Сосинского-Семихата и его константинопольского друга Вадима Андреева входили Семен Либерман, Юрий Венус (это были «4») и Анна Присманова («+1»).

³⁵ ГАРФ. Ф. 6089. Оп. 1. Д. 16. Л. 94.

³⁶ Там же. Д. 14. Л. 44. Письмо Гайто Газданова А. А. Бейеру от 18 ноября 1923 г. Париж.

³⁷ ГАРФ. Ф. 6277. Оп. 1 Д. 3. Л. 23. Письма Николая Коринского-Коркина воспитательнице Шуменской гимназии Н. Д. Ридигер.

³⁸ ГАРФ. Ф. 6089. Оп. 1. Д. 16. Л. 56.

³⁹ Там же. Д. 9. Л. 3.

⁴⁰ Там же. Д. 16. Л. 18 об.

⁴¹ Земсков В. Б. Писатели цивилизационного «промежутка»: Газданов, Набоков и другие. // Гайто Газданов и «незамеченное поколение»: писатель на пересечении традиций и культур. // Сб. научных трудов. М., 2005. С. 14.

⁴² Поплавский Б. Вокруг «Чисел» // Числа. Париж. 1934. № 10. С. 206

⁴³ ГАРФ. Ф. 6089. Оп. 1 Д. 9. Л. 35 об.

⁴⁴ Там же. Л. 35 об.

⁴⁵ Там же. Л. 6.

⁴⁶ Там же. Л. 18 об.

А. В. Урядова

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ И ИХ РОЛЬ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ЭМИГРАЦИИ

Одна из приоритетных тем в историографии – история российского зарубежья – развивается весьма стремительно, в том числе используя такие технологии, как Интернет. Интерес к виртуальным публикациям в последнее время значительно вырос (как со стороны читателей, так и со стороны авторов). Особенность данной исторической темы приводит к тому, что в отличие от большинства других сюжетов по отечественной истории, информация по ней размещается не только на страницах российской части Интернета (Рунете), но и в других странах (в основном там, где были или до сих пор есть эмигрантские колонии¹). Наблюдается положительная динамика в количестве и качестве освещения темы «Эмиграция». В последнее время даже стали появляться статьи, связанные с освещением темы «История эмиграции в сети»².

Тенденция развития Интернет-изданий на сегодняшний день такова: если ранее это были отдельные статьи по проблемам эмиграции, встречающиеся в электронных версиях некоторых научных³ и популярных журналов, то теперь это целые сайты (научно-исследовательские и даже энциклопедические⁴, собственно эмигрантские⁵, отдельных научно-культурных, политико-патриотических и других организаций⁶, периодических изданий и издательств, публикующих специализированную литературу⁷). В последнее время стали появляться сайты, объединяющие информацию об эмиграции в разных странах, на разных континентах, в разные исторические этапы⁸.

По подсчетам специалистов, сегодня «в виртуальном пространстве существует более шестидесяти сайтов, посвященных истории и культуре русской эмиграции»⁹. В данной статье не стояла задача выявления всех Интернет-ресурсов по истории эмиграции, целью была их общая систематизация. Но даже с учетом данной оговорки, в ней делаются ссылки на 40 сайтов. Поэтому думается, что цифра 60 – сильно занижена.

Вот уже несколько лет идет оживленная дискуссия по поводу возможности использования виртуального информационного пространства в научных целях. Одним из основных нареканий является то, что в Интернете нет редактуры, цензуры и отбора материала,